

— Это подарок для именинницы? Как мило, господин Ло, вы отлично выбрали подарок.

Ань Чэнсюань одной рукой держал собачку, другой гладил ее мягкую шерсть. Его красивые глаза были слегка приподняты, в них светилась улыбка, а лицо выглядело добрым и безобидным.

— Юньси проголодался, я отведу его перекусить, извините.

Чжоу Цзыцянь, не желая огорчать племянника, положил руку на плечо Е Тао и повел его прочь.

Ань Чэнсюань продолжал улыбаться, но его рука, гладившая собачку, внезапно сжалась. Собачка, и так нервничавшая из-за незнакомой обстановки, тут же пискнула. Хотя звук был негромким, он привлек несколько любопытных взглядов. Ань Чэнсюань игнорировал их, продолжая гладить собачку и с легкой грустью произнес:

— Милая, но слишком хрупкая. Интересно, сможет ли она выжить? Если вдруг умрет, не знаю, как будет переживать хозяин.

Скрытый смысл был слишком очевиден. Даже Ло Дун, не знавший о конфликте между Чжоу Цзыцянем и Ань Чэнсюанем, почувствовал, что эти слова звучали не совсем приятно. Как же сам Чжоу Цзыцянь мог не понять намека?

Чжоу Цзыцянь, уже повернувшийся, чтобы уйти, слегка замедлил шаг и оглянулся на Ань Чэнсюаня. Тот с полуулыбкой смотрел на него, в глазах мелькал едва уловимый вызов. Чжоу Цзыцянь без эмоций отвел взгляд и увел Е Тао.

Е Тао не стал злиться из-за этих неприятных слов, но был немного удивлен. В конце концов, Ань Чэнсюань был из знатной семьи и имел личные отношения с Чжоу Цзыцянем. Даже если у него были претензии к Чжоу Цзыцяню или он по каким-то причинам не любил Чжоу Юньси, не стоило вести себя так мелко.

Однако, когда Е Тао оглянулся, он увидел, что Ань Чэнсюань спокойно беседует с Ло Дуном, его длинные пальцы время от времени гладили мягкую шерсть собачки, и его поведение выглядело совершенно безобидным. Ничто не выдавало в этом знатном юноше того, какую роль он только что сыграл.

В зале банкета было прохладно, и сначала это было приятно, но через некоторое время Е Тао стало зябко. Спина и шея покрылись холодной испариной, а в носу защекотало. К счастью, Чжоу Цзыцянь был достаточно внимателен и, не дожидаясь, пока племянник чихнет, заметил его состояние. Он извинился перед гостями и повел Е Тао на террасу.

В небе над столицей редко можно было увидеть звезды, их затмевали яркие огни неоновых вывесок. Е Тао стоял на террасе, выступающей на сотню метров в высоту, и белый край его одежды слегка колыхался под теплым ночным ветерком.

Чжоу Цзыцянь, собиравшийся вернуться к гостям, остановился, случайно взглянув назад. Возможно, на него повлияли слова Ань Чэнсюаня, но ему показалось, что этот хрупкий белый силуэт может в любой момент исчезнуть в ночи.

Чжоу Цзыцянь вернулся и положил руки на тонкие плечи Е Тао:

— Устал?

Е Тао покачал головой.

Чжоу Цзыцянь помолчал, затем тихо спросил:

— Расстроился?

Е Тао молчал несколько секунд, прежде чем тихо ответить:

— Он нападает на меня.

Чжоу Цзыцянь не сильно удивился, что племянник понял скрытый смысл слов Ань Чэнсюаня. Чжоу Юньси был просто немного необычным ребенком, его молчаливость не означала, что он глуп. На самом деле, он был даже более чувствительным, чем дети, выросшие в обычных условиях.

— Он сказал это без злого умысла.

Чжоу Цзыцянь обнял Е Тао и нежно коснулся его головы подбородком.

— Не принимай его слова близко к сердцу, не стоит портить себе здоровье из-за этого.

Е Тао недовольно отстранился:

— Ладно, иди, занимайся своими делами.

Чжоу Цзыцянь терпеливо успокаивал его:

— Не злись. Когда я освобожусь, мы ходим в ювелирный магазин, хорошо?

Через некоторое время Е Тао едва слышно ответил:

— Хорошо.

Чжоу Цзыцянь улыбнулся и погладил его по голове:

— Садись тут, я скоро закончу и мы поедем домой.

Вскоре после ухода Чжоу Цзыцяня Ло Дун неспешно подошел к террасе. Хотя погода была душной, терраса привлекала не только Е Тао. Ло Дун обменялся несколькими фразами с одним из гостей, сопровождаемым красивой женщиной, прежде чем небрежно подошел к Е Тао.

— Похоже, Ань Чэнсюань не очень хорошо относится к молодому господину Чжоу.

Ло Дун сел рядом с Е Тао и заговорил так тихо, что слышно было только им двоим.

— Молодой господин не очень общителен, неудивительно, что кто-то может его недолюбливать.

Е Тао провел пальцами по браслету на запястье, его почти прозрачные кончики пальцев скользнули по гладким бусинам. Он снял браслет, подержал его в руке, затем снова надел.

— Но молодой господин редко выходит из дома, и вряд ли он мог кого-то так сильно обидеть, чтобы тот в присутствии его дяди пожелал ему смерти. Если только... Ладно, в любом случае, я редко выхожу, и шансов встретиться с ним у меня мало. Пусть нападает на кого хочет.

Ло Дун достал из кармана пачку сигарет и зажигалку, одновременно тихо спросив:

— Почему ты такой вялый? Устал?

Е Тао снова надел браслет, откинулся на спинку кресла и слегка вздохнул:

— Кто не устанет, если каждый день играть роль?

— Ты сам себе создаешь проблемы. Даже мой племянник знает, что если не сделал домашнее задание, то надо сказать, что забыл тетрадь. А ты, представь, прыгнул в реку зимой. Разве нельзя сказать, что вода ударила тебя по голове, и ты забыл, кто ты?

Ло Дун, выдав свою мудрость, добавил ободряюще:

— Но не мучай себя сожалениями. Как говорится, жизнь — это игра, и все зависит от актерского мастерства. Жить вообще нелегко, но если ты будешь хорошо играть, однажды ты вернешь себе свою роль. Я верю, что у тебя получится.

Е Тао без эмоций посмотрел на него:

— Спасибо за поддержку.

Баобао, оставленный под присмотром водителя, успел вдоволь нагуляться и был в хорошем настроении. На обратном пути он не стал занимать место на руках у дяди, а устроился на переднем сиденье и задремал.

Машина ехала плавно, в салоне было тихо, и Е Тао тоже начал клевать носом.

Роскошный спортивный автомобиль догнал их и, замедлив ход, поехал рядом с машиной семьи Чжоу. Чжоу Цзыцянь мельком взглянул на него и отвернулся. Проехав некоторое время, машина замедлилась, и зазвонил телефон Чжоу Цзыцяня.

Чжоу Цзыцянь, держа одной рукой Е Тао, другой взял трубку. На другом конце провода голос с легким упреком произнес:

— Ладно, ладно, сегодня я был не прав. Я не специально. У меня весь день болел живот, лицо было бледное, как у привидения, а ты даже не спросил, как я себя чувствую, боясь, что твой племянник подумает что-то не то.

Чжоу Цзыцянь тихо ответил:

— Если тебе плохо, иди домой и отдохни.

— Что? Почему ты так тихо говоришь?

Ань Чэнсюань замолчал, затем, словно что-то поняв, опустил окно и посмотрел наружу. В его голосе появилась легкая насмешка:

— Маленький господин спит? Ты так быстро ответил на звонок, потому что боялся его разбудить? Могу ли я считать, что должен быть благодарен ему за твои слова «иди отдыхай»?

— Чэнсюань, я не твой родитель, не капризничай передо мной время от времени. Мое терпение и снисходительность имеют свои пределы.

Голос Чжоу Цзыцяня был спокоен, без тени раздражения, как у терпеливого наставника, который пытается урезонить упрямого ученика.

Однако Ань Чэнсюань знал его характер и понимал, что он уже близок к тому, чтобы рассердиться. Он не хотел доводить его до предела, поэтому, хоть и с неохотой, смягчил тон и тихо сказал:

— Извини, я в последнее время не в себе, не хотел быть грубым.

Чжоу Цзыцянь ничего не ответил и просто повесил трубку. Вскоре машина рядом ускорила и уехала.

Чжоу Цзыцянь притянул к себе спящего Е Тао. Вес в его руках был действительно слишком легким, мальчик выглядел хрупким и слабым. Но что с того? В детстве он был еще слабее, но Чжоу Цзыцянь все равно вырастил его. Это был ребенок его старшего брата, как он мог позволить ему умереть?

Летний полдень, стрекот цикад, палящее солнце. Прошло уже две недели после экзаменов гаокао, которые пугали тысячи студентов. После трех дней дождей наступила ясная погода, и температура продолжала бить рекорды. Баобао, недовольный тем, что в его комнате не включен кондиционер, отправился искать прохладу в другом месте.

Е Тао, не зная, чем заняться, нашел среди коллекции молодого господина Чжоу нить необработанных бус из дерева бодхи и стал перебирать их, читая книгу.

— Сегодня купили отличные дыни, я охлаждал их в колодезной воде полдня, они холодные и сладкие.

Сяо Чэн поставил на стол тарелку с нарезанными кусочками дыни и заглянул в книгу. Он с тревогой подумал: «Опять сутры. Неужели терпение молодого господина улучшилось благодаря этим книгам? С тех пор как он устроил сцену у реки, прошло уже полгода, и он больше не злился».

<http://bllate.org/book/17687/1650190>